

Заглавие документа	Семантические особенности славянской топонимии: новая ономазиология (на материале белорусских и словацких имен географических объектов) // Вестник МГЛУ. – № 2 (33). – С. 187–194.
Авторы	Копач О.И.
Тема	Языкознание
Дата публикации	2008
Аннотация	В статье предлагается новый ономазиологический подход к изучению славянских микротопонимов. Он основан на идеях чешской и словацкой лингвистики (М. Докулил, В. Матезиус, П. Штекауэр). В качестве материала исследования использовались белорусские и словацкие собственные имена небольших географических объектов. При применении этого подхода в качестве исходной точки исследования должен быть взят объект, а не мотивирующая основа имени географического объекта. Актуализация характеристик объекта в топонимных знаках проводится последовательно на одной из трех стадий познания объекта и репрезентации его в языке. Отмечается, что топонимное исследование должно стать многоуровневым, а когнитивные и коммуникативные характеристики при анализе топонимов могут взаимодействовать, а не исключать друг друга.

Семантический анализ единичных имен географических объектов до сих пор проводится топонимистами, зачастую называемыми такой вид анализа ономазиологическим подходом. Он рассматривается как выявление семантических особенностей апеллятивов, которые ложатся в основу топонимов. Так, мотивирующий признак имени **бел. Мядзведня** – название зверя, а **свк. Hlbôčka** мотивирована признаком глубины водоёма.

Таким образом, ономазиологический анализ топонимии приравнивается к анализу семантики топооснов. Единственное отличие между семасиологическим и ономазиологическим путями изучения семантики в таком случае состоит в том, что структурно-семантическая классификация начинается в первом случае с распределения топонимов по разрядам простых, сложных и составных собственных имен, а во втором – с анализа семантики топооснов, за которым идет выявление деривационных морфем, превращающих апеллятив в топоним. При семасиологическом анализе на первый план выходят типы связи слов в

словосочетаниях и конечные элементы топонимов, при ономасиологическом – деривационная структура онима.

В данной работе мы предложим когнитивно-ономасиологический подход к изучению микротопонимов. Материалом теоретического рассмотрения имен будут наименования небольших топообъектов Словакии и Беларуси, взятые из энциклопедий и кадастровых планов объектов Беларуси, а также из списков гидронимов и микротопонимов, опубликованных в работах словацких исследователей Я. Кршко, Л. Сичаковой. Общее число анализируемых единиц составляет порядка 10000 единиц [см. Источники].

Если рассматривать онимы с семасиологических позиций, то среди собственных имен объектов Словакии и Беларуси выделяются такие модели:

(1) простые, в т.ч. производные, имена свк. *baňa* > ***Baník***, *Gáliková* > ***Podgúliková***, бел. *гарэлы* > ***Гарэлец***;

(2) сложные: свк. *pole*, *rieka* > ***Polerieka***, *topit' kone* > ***Konotopa***, бел. *козі бор* > ***Казібор***, *капаць руду* > ***Рудакон***;

(3) составные: свк. *Háj* > ***Hájsky potok***; *мяжа* > ***Межнае балота*** и др.

Основные критерии, в соответствии с которыми происходит распределение топонимов по группам – количество полнозначных компонентов (1 или 2 и более) топонима, и характер связи между этими компонентами (сложение слов / основ или объединение слов в словосочетание).

При традиционном ономасиологическом подходе за исходный пункт анализа также берется форма топонима, ведется поиск нарицательных и собственных имен, мотивирующих эту единицу языка; определяется наиболее обоснованная мотивация топонима и – на ее основе – топонимный формант.

Однако, по мнению И. С. Торопцева, «современное словообразование и ономасиологическое направление в изучении словопроизводственного процесса не дополняют, а исключают друг друга» [1, с. 9]. Если присмотреться к тому, что до недавнего времени называлось ономасиологическим изучением топонимии, можно отметить явный уклон в сторону словообразования, несмотря на то, что «в центре внимания ономасиологии по сравнению со словообразованием

находится техника создания новых понятий и устройство их структуры, а затем уже описываются способы материализации данных понятий» [2, с. 12].

Ономасиологическое изучение собственных имен в работах лингвистов до сих пор было обосновано тем фактом, что все они выполняют единственную для всех онимических знаков номинативную функцию, а предметом исследования лингвистов в основном становятся способы и средства создания имени. Учет принципов, условий и обстоятельств номинации позволил с большей степенью точности определить мотивирующие основы наименований и рассмотреть семантические особенности онимов, но остался связанным только с выявлением средств номинации, а не техникой создания единичных понятий.

При детальном рассмотрении материала традиционные принципы номинации не разграничивают двусмысленные образования. При помощи принципов номинации *по свойствам и качествам объекта, по связи с другим объектом, по связи с субъектом* [3, с. 136] не получается точно классифицировать, например, название реки **свк.** *Jánošov dlhý potok*, расположенного в непосредственной близости от реки *Jánošov potok*, – есть возможность определить его как образованное от имени другой реки либо как квалитативное. Непонятно также, к какому из трех принципов принадлежат названия болот типа **бел.** *Балота, Мох*; **свк.** *Potok, Dolina*, а понимание ономасиологической классификации собственных имен только как понятийной сетки упрощает более содержательную картину топонимной номинации, чем та, что можно получить посредством выявления мотивирующих основ.

Становится очевидным, что «наиболее перспективными представляются многоуровневые концепции значения, которые исходят из идеи последовательного разграничения концептуального и семантического (языкового) уровней репрезентации знаний» [4, с. 27].

Мы примем за основу многоуровневую концепцию номинативной деятельности словацкого исследователя П. Штекауэра, которая включает в себя последовательное исследование языковых единиц на концептуальном, семан-

тическом, ономаσιологическом, ономатологическом и морфонологическим уровнях [5].

Структура номинативной деятельности человека, предложенная словацким ученым, вызывает вопрос, каким образом могут объединяться в пределах одной работы и концептуальный компонент, который связывается с понятием информация, и компонент ономаσιологический, который в бывшей чехословацкой лингвистике связан с понятиями о тема-рематической, коммуникативной структуре предложений, а потом и об ономаσιологической структуре слов.

В современной науке существует два общетеоретических подхода к вопросу о роли информации и коммуникации, каждый из которых может рассматриваться как верный при рассмотрении природы отношений человека к миру. Мы предлагаем **отвести главную роль коммуникативному компоненту.** Информация включает в себя как те характеристики предметов и явлений, которые одинаково понимают все люди вокруг, так и те, которые можно назвать результатом индивидуального восприятия и понимания мира. Коммуникация же – это диалог, попытка найти общее, приемлемое для всех решение.

Тем не менее, нельзя не отметить, что различные виды деятельности Человека начинаются не с разговора, обмена мыслями и т.д. Сначала Он наблюдает за явлениями мира, у него складывается свое понимание мира. Стоит воссоздать цепочку познавательной деятельности Человека ощущение → восприятие → представление → понятие → суждение → умозаключение, чтобы отметить противопоставление информации и коммуникации. Но само имя появляется только после того, как его примут остальные представители коллектива. На первый взгляд коммуникативная функция важнее когнитивной.

Однако не будем торопиться и попробуем воссоздать направление мысли Человека при создании топонимов, а потом вернуться к соотношению когнитивного и ономаσιологического подходов.

Начиная свою деятельность, Человек должен иметь представление о том, как ее лучше осуществить. Можно начать с нуля и сделать так, как не делал никто в мире. Но, как свидетельствует опыт, такой подход бесперспективен. Если

Человек будет использовать свой собственный язык, окружающие его не поймут и не будут пользоваться словами того языка, который он употребляет (Не случайно при рассмотрении топонимов очень часто встречаешься со случаями неправильной этимологии: люди, которые не знают смысла древнего имени объекта, дают этому имени свое новое объяснение.) Обычно все-таки люди осуществляют деятельность, опираясь на знакомые сведения.

Первое, что приходит на ум, когда мы смотрим на географический объект, это общее имя, которое номинирует этот объект. бел. *рака, возера, балота, ручай*; свк. *rieka, jazero, močiar, potok* – это слова, которые позволяют нам указать на объект и правильно его классифицировать. Любой человек, владеющий языком, способен сделать это. К тому же, эти слова очень часто встречаются в собственных именах объектов местности: бел. *Чорная рака, Скачальскае возера, Арэскае балота*; свк. *Kocizský potok, Katínsky kanál, Čierna skala, Čakanský jarok*. Это важный факт. Чаще всего эксплицитное напоминание о роде объекта отмечается в именах небольших объектов, и этому есть объяснение: они чаще исчезают с поверхности земли и неожиданно появляются в другом месте. И каждый раз заново Человек дает объекту имя, а чтобы не забыть о том, к какому роду объектов он принадлежит, Человек добавляет к нему общую характеристику – слова бел. *гара, возера, лес*; свк. *potok, kanál, skala, jarok* и др. Большие объекты в отличие от маленьких не так часто утрачивают и приобретают имена, т.к. они обычно играют важную роль в жизни человека (у славян обычно это реки), а новое имя – это и необходимость снова запоминать его.

Важность больших объектов имеет результатом и то, что имена, состоящие из двух отдельных слов (составные), становятся сложными, а потом простыми [6, с. 32]. Крупные объекты чаще однословны, а небольшие сохраняют в своем составе как простые, так и составные и эллиптические единицы [7, с. 9]: бел. *Рамжына, Старахракавіцкае, Кур'янава балота*; свк. *L'ubienka, Diakovo, Lipovský potok*. Немного встретится больших рек, которые имели бы неоднословные названия: бел. *Днепр, Дзвіна, Неман*, свк. *Turiec, Vah, Slana*.

Но не всегда в структуре онима обнаруживается общее имя, соответствующее современному состоянию этого географического объекта. Часты случаи, когда в названии реки встречаются имена совсем других объектов – канала, озера и т.д., а в названии болота – со словами лес, луг и т.д.: бел. *Ržavy Lug, Svaja Pušča* (балота); свк. *Kindisikova dolinka, Čierne blato* (рэкі). Интересно, что чаще сдвиг терминологического компонента наблюдается именно в именах микрообъектов. Видимо, объекты, не обозначающиеся своими знаками, а берущие в качестве своего имени имена других объектов, не имеют большого значения для номинатора. К тому же микрообъекты менее устойчивы, чем макрообъекты. Если для разных объектов одного небольшого кусочка территории употребляется одно и то же имя, то можно утверждать, что только один из объектов имеет **действительно свое собственное имя**. Остальные топонимы ориентируют опосредованно – через имя этого главного объекта. Значит, в топонимии есть свои центры и своя периферия.

Несмотря на периферийный статус, или наоборот – благодаря нему, микропонимия становится не менее важным объектом исследования, чем названия больших древних объектов. Ее молодость (возникают и вновь появляются) и “либеральность” (как противопоставление консерватизму макрообъектов) позволяют проследить не только за мотивирующими основами названий, но и за динамикой становления топосистемы, путями развития топонимного знака.

Итак, Человек сначала отмечает наличие объекта. Есть 2 варианта поведения: либо он называет объект словом, которое уже существует в общей лексике языка, либо он номинирует данный объект при помощи имени другого объекта. Причем никаких отличий между мотивирующим и мотивированным наименованиями не наблюдается. А что новое тогда носитель языка добавляет к той информации, которая и без того существовала в нем – в нарицательной и собственной лексике языка? Вероятно, в обоих этих способах номинации объекта последний не воспринимается как факт, достойный особого внимания. Для сознания субъекта объект еще не стал значимым элементом ландшафта, способным ориентировать в пространстве. Это тот этап восприятия объекта Челове-

ком, когда последний не замечает его специфичности. Вывод касается **понимания** объекта Человеком – внеязыкового процесса, а значит, концептуальной стороны изучения объектов.

А что происходит при этом в языке? Имена обоих типов не отличаются от слов, которые их мотивировали. Они подобны фразеологизмам – у тех также фиксируется семантический сдвиг субстантивного компонента. Это позволяет назвать данную стадию номинации объекта **идиоматизацией**. Названия болот бел. *Вялікі Лес, Пушча, Гай* и небольших рек свк. *Brašková dolinka, Kušpálov jarok* не изменяют свой субстантивный компонент на “болотный или речной”.

«Настоящее» собственное имя появляется, когда оно выделяет один объект среди всех других. А это возможно, если в имени отражена единственная и неповторимая черта объекта: его глубина, или чистота, или особенности флоры и фауны территории: бел. *Бярозавае балота, Мядзведня, Чысцік*; свк. *Čierny potok, Dlhý potok, Hárnorský potok*. При этом важно, чтобы имя не дублировало собственные и нарицательные имена, которые уже присутствуют в языке народа, а имело морфему- или слово-дериватор. Первый случай (дополнительная морфема) особенно часто встречается в синтетической славянской топонимии: бел. *Паплавец, Горскае, Замачулле*; свк. *Halubenec, Hnojník, Kolitárka*, ср. амер. *Haskell Barony Swamp, Aunt Phoebe's Marsh*.

В плане концептуальном те изменения, которые фиксируются в языковом знаке, свидетельствует о том, что Человек интересуется объектом и потому не только показывает, что отнесение объекта к определенному виду реалий или хотя бы числу субстантивов, но и отмечает признак объекта. Это уже этап собственно ономастический, т.к. имя выделяет особую примету объекта, отличающую его от всех остальных.

В ономастиологической структуре слова на этом этапе идиоматизация сменяется, если говорить терминами М. Докулила, **мутацией**. Это такое преобразование значения единицы, при котором исходное родовое понятие (субстанции) ...конкретизируется отношением к другому понятию (признак) [8, с. 102]. Слова, которые ложатся в основу нового онима могут иметь разную семантику,

однако для них характерно наличие дополнительной словообразовательной морфемы или слова в сравнении с названиями, созданными на первом этапе номинативной деятельности: бел. *Ціханава* > *Ціханаўскі Мох*, *крывы* > *Крываль*; свк. *katenný* > *Katenný potok*, *Kokava* > *Kokavka*. Для славянской топонимии часто встречаются морфемы, в более аналитических языках частотны слова-субстантивы: англ. *Blair Swamp*, *Potter Marsh*, *Cowles Bog*.

Однако, несмотря на то, что “настоящие топонимы” появились в системе, номинация единичных объектов на этом не заканчивается. В природе происходят смены, в результате которых объекты исчезают, появляются, разделяются на два, три и более новых объектов. Если это был один объект, а разделился на два, то для одного из них надо придумать новое имя. Но совершенно новое имя заставляло бы снова учить и запоминать себя. При этом нарушались бы связи и представления, которые связывали его с объектом, от которого он сейчас отделялся. Удобнее было бы сохранить части старого имени. В результате новый объект получает новый, дополнительный признак, сохраняя в то же время ту примету, которая была характерна для этих объектов, когда они еще составляли единое и неделимое целое: бел. *Брускае* > *Брускае 2*, *Каменка* > *Гарэлая Каменка*, *Малое* > *Малое Ніжняе*; свк. **Jaseňok* > *Suchý Jaseňok*, *Mokrý Jaseňok*.

Концептуальная сторона этой стадии номинации объекта можно охарактеризовать как стремление номинатора уточнить, какой из двух (и более) объектов одного рода имеется в виду. Горизонт взгляда человека на объекты при этом сужается (обычно не более двух-трех объектов). В языковых знаках появляется новая категория – **модификация**, которая существенно не изменяет исходного понятия, а только дополняет его новым признаком [8, с. 102].

Выводы: (1) для дальнейшего изучения славянской микропонимии наиболее перспективными представляются многоуровневые концепции значения;

(2) не стоит проводить непреодолимую границу между коммуникативной и когнитивной функциями языка и, как следствие, между когнитивной лингвистикой и ономаσιологией. Реализация языковых категорий в онимах не может не опираться на внеязыковой опыт Человека и на его стремление передать инфор-

мацию так, чтобы она была максимально близкой и понятной собеседнику. Эта информация фиксируется в структуре языковых единиц. Единичные признаки можно по-прежнему изучать в рамках семантики, а изучение языковых категорий, активизирующихся при создании имен, отнести к ономастиологии.

(3) в словацких и белорусских топонимах отмечены 3 стадии (и 3 способа представления) объекта человеком, которые последовательно сменяют одна другую: беспризнаковая (предономастическая), признаковая (собственно ономастическая) и дополнительно признаковая. В языке эти 3 стадии соотносятся соответственно с категориями идиоматизации, мутации и модификации.

ИСТОЧНИКИ

Кадастровый справочник. Торфяной фонд Белорусской ССР. По состоянию разведанности на 1 января 1978 г. – Минск, 1979 (по каждой из областей).

Мікратапанімія Беларусі. Матэрыялы. – Мінск, 1974. – 327 с.

Энцыклапедыя прыроды Беларусі: у 5 т. / Рэд. І.П.Шамякін і інш. – Минск: БелСЭ, 1983. – 5 т.

Krško, J. Hydronymia povodia Turca / J. Krško. – Banská Bystrica: Univerzita Mateja Bela, Fakulta humanitných vied, 2003. – 167 s.

Sičáková, L. Hydronymia slovenskej časti povodia Slanej / L. Sičáková. – Prešov: Pedagogická fakulta UPJŠ, 1996. – 108 s.

ЛИТЕРАТУРА

1. Торопцев, И.С. О направлениях в изучении словопроизводственного процесса / И.С. Торопцев // Проблемы ономастиологии: Науч. тр. / Отв. ред. М.С.Малеева.– Курск, 1977. – Т. 175. – С. 5–9

2. Кривченко, Е.Л. Очерки по ономастиологии / Е.Л. Кривченко. – Саратов, 1989. – 132 с.

3. Ковалёва, Н.В. К вопросу о принципах номинации в топонимике / Н.В. Ковалёва // Учёные записки Уральского университета. Сер. филол. – Вып. 18, № 114. – 1971. – С. 133–136.

4. Болдырев, Н.Н. Концепт и значение слова / Н.Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Науч. изд. / Под ред. И.А.Стернина. – Воронеж, 2001. – С. 25–36.
5. Štekauer, P. Fundamental Principles of an Onomasiological Theory of English Word-Formation / P. Štekauer [Electronic resource] // Onomasiology Online. – 2001. – № 2. – P. 1–42 – Mode of access: www.onomasiology.de. – Date of access: 12.04.2004.
6. Rozwadowski, J.M. Słowotwórstwo i znaczenie wyrazów. Studium nad ich Podstawowymi Prawami (Wortbildung und Wortbedeutung. Heidelberg, 1904) / J.M. Rozwadowski // Wybór pism / J.M. Rozwadowski. – Warszawa, 1960. – Т. III. – S. 21-59.
7. Просвирнина, И.С. Составные наименования в русской топонимии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / И.С. Просвирнина, Урал. гос. ун-т им. А.М.Горького. – Екатеринбург, 1999. – 20 с.
8. Dokulil, M. Tvoření slov v češtině: v 2 d. / M. Dokulil. – Praha: Nakladatelství ČSAV, 1962. – 1. díl. Teorie odvozování slov. – 219 s.